

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Губин. Максим Горький

...Впервые я увидел его в трактире; забившись в дымный угол и загородясь столом, он надорванным голосом кричал:

- Я вашу правду знаю... всю здешнюю правду знаю!

Перед ним полукругом стояло человек пять солидных мешан, неохотно поддразнивая его насмешливыми междометиями. Один равнодушно выговорил.

- Как те правды не знать, коли ты всех оболгал...

Изношенный, издерганный Губин напоминал бездомную собаку: забежала она в чужую улицу, окружили ее сильные псы, она боится их, присела на задние ноги, метет хвостом пыль и, оскалив зубы, визжит, лает, не то пытаясь испугать врагов, не то желая по-ластиться к ним. А они, видя ее бессилие и ничтожество, относятся к ней спокойно - сердиться им лень, но чтобы поддержать свое достоинство, они скучно тьявкают в морду чужой собаке

- Кому ты нужен?

Мне давно и хорошо знакомы трактирные споры о правде, споры, нередко восходившие до жестокого боя, я и сам не однажды путался в этих беседах, как слепой среди кочек болота, но, незадолго до встречи с Гу-биным, смутно почувствовал, что все эти разноголосые состязания до бешенства и до крови выражают собою только безысходную, бестолковую тоску русской жизни, разогнанной по глухим лесным уездам, покорно осевшей на топких берегах тусклых речек, в маленьких городах, забытых счастьем. Стало казаться, что люди ничего не ищут и не знают, чего искать, а просто - криком кричат, чтобы избыть скуку жизни.

Окна трактира открыты, а над головами людей колеблется, не исчезая, облако сизого дыма. Огни ламп - точно желтые кувшинки на мертвой воде пруда. За окнами тихо плывет августовская ночь - ни шороха, ни шёпота. Я смотрю на темное небо, на яркие звезды и, деревенея под тяжестью уныния, думаю:

"Неужели небо и звезды для того, чтоб прикрыть эту жизнь? Такую?"

Кто-то говорит уверенно и спокойно, точно читая написанное:

- Ежели кубасовские мужики свой лес оберечь не успеют, завтра он обязательно займется с полуденной стороны, а тогда, конечно, и Биркиных леса натло выгорят...

Спор на минуту затих, и снова, разъедаая тишину, слышен надломленный голос:

- А что значит - правило?

Тяжелые, неуклюжие слова сталкиваются одно с другим и давят мысли насмерть. Голоса звучат громче и злей, под шум их я почему-то вспоминаю нелепые стихи:

Боги дали человеку

Воду, чтоб он пил и мылся,

Он же взял да утопился

В ней...

...Потом я сижу один на ступени крыльца трактира, глядя через площадь в тусклые пятна окон Протопопова дома - за окнами мелькают черные тени, глухо и печально звучат басы гитары и высокий, раздраженный голос время от времени вскрикивает:

- Но - позвольте! Дайте же мне сказать...

А кто-то другой дробно сыплет в тишину, как в бездонный мешок:

- Нет - постойте, нет - постойте...

Дома, прижатые тьмою, кажутся низенькими, точно холмы могил. Черные деревья над крышами - как тучи. В глубине площади одиноко горит фонарь, его свет повис в воздухе неподвижным прозрачным шаром и напоминает одуванчик.

Тоска. Ничего не хочется.

Если кто-то подойдет сквозь тьму и ударит по голове - упадешь на землю и даже не заметишь - кто убил.

Всё та же дума со мною - верная мне, как собака, она никогда не отстает от меня:

"Разве для этих людей дана прекрасная земля?"

Из двери трактира с треском и громом бежит кто-то, катится по ступеням мимо меня, падает в пыль и, быстро вскочив, исчезает во тьме, угрожая:

- Я вас - оголю... я - раздену вас, будьте прокляты!

А в двери стоят темные люди, переговариваясь:

- Это он, гляди, поджечь грозит...

- Ку-уда ему, поджигать...

- Экая вредная сволочь...

...Вскинув котомку за спину, я иду вдоль улицы из одних заборов, сухой бурьян хватает меня за ноги и сердито шуршит. Ночь теплая, не стоит платить за ночлег; около кладбища есть удобные места для спанья, лес подошел почти вплоть к ограде, выслав вперед себя тесный ряд молодых сосен. Песок там усыпан сухой рыжей хвоей.

Из тьмы вынырнула и шарахнулась в сторону длинная человечья фигура.

- кто идет? кто? - пугливо раздается в мертвой тишине надорванный голос Губина.

...Он шагает рядом со мною, озабоченно выпрашивая, откуда я пришел, зачем, и - просто, как старому знакомому, предлагает:

- Спать иди ко мне, я здесь - домовладелец! И насчет работы я тебе находка: как раз завтра мне человека надо, колодец почистить у Биркиных желаешь? Ну, вот, то-то! У меня, брат, всё сразу, всегда! Я и ночью людей насквозь вижу...

Дом его оказался старой баней; одноглазая, горбатая, с выпятившейся стеною, она прилегла на глинистом спуске в овраг, точно спряталась в кустах тальника и бузины.

Не зажигая огня, Губин растянулся на слежавшемся сене в предбаннике, тесном, как собачья конура, поучительно говоря:

- Ложись головой к двери на волю, а то здесь запах тяжелый...

Да - тошнотворно пахнет ягодами бузины, мылом, гарью и гнилым листом...

В небе неподвижно торчат черные деревья, закрывая золотой Млечный Путь. За Окою кричит сова, и, точно горох, на меня непрерывно сыплются возбуждающие любопытство речи:

- Ты не гляди, что я в овраге загнан, - я противу всех здесь - первое лицо!..

Темно, мне не видать лица хозяина, но я помню освещенный желтым огнем трактирной лампы облезлый, истертый череп Губина, длинный, точно у дятла, нос и серые щеки в рыжеватой щетине. Под жесткими усами - тонкие губы, рот точно ножом прорезан, наполнен черными осколками зубов и кажется злым, уши острые, мышиные, должно быть - чуткие. Он бреет бороду, это очень не идет к его лицу и всей фигуре, но - делает его заметным: сразу видно, что это не мужик, не мещанин, а кто-то

Губин. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

особенный. Тело у него костлявое, руки и ноги длинные, локти, колени – острые, весь он – как сучок, – думается, что его легко изогнуть, даже завязать узлом.

Я плохо слушаю его и молчу, глядя в небо, где идут звезды, догоняя друг друга.

– Спишь?

– Нет... Зачем ты бреешься?

– А что?

– В бороде лицо у тебя приятнее было бы, пожалуй...

Он коротко рассмеялся, восклицая:

– В бо-ороде... ах ты, нечисть! В бороде!

И строго заговорил:

– Петр Великий с Николаем Павлычем несколько умней тебя были, так они кто бороду носит – тому нос резать и сто целковых штрафа! Слышал?

– Нет, не слышал...

– А между тем из этого раскол церковный вышел, из-за бороды...

Говорит он быстро, шепеляво, слова, исходя из его уст, точно задевают за обломки зубов, рвутся, ломаются и выходят недоконченными.

– Все понимают – с бородой – легче жить, врать проще: соврал и в волосах спрятал. Значит, нужно, чтоб все жили с голым лицом – труднее врать! Чуть сыграл фальшиво – всякий это видит...

– А – бабы?

– Что – бабы? Баба врет мужу, а не городу, не всем людям – миру. Бабье дело курье; тихое – выводы цыплят... Ежели она и ложно покудахтает – какой вред? Она – не поп, не чиновник, не градской голова... власти ей не дано, законов не устанавливает... Главное – чтобы в законах не врать!.. Закон должен содержать в себе настоящую правду... Надоело мне окружающее беззаконие!

Дверь предбанника была открыта, точно в церковь: деревья во тьме стояли подобно колоннам, белые стволы берез – как серебряные подсвечники, над вершинами их мерцали тысячи огней, чьи-то сине-темные лики неясно смотрят сквозь черные ризы. Жуткая тишина в душе, хочется встать и идти во тьму, навстречу всем ночным страхам, но быстрая речь человека опутывает внимание и держит на месте.

– Отец мой был человек самоуменный, характерный, и за это его терпеть не могли в городе. Лет с двадцать он добивался выбора в головы градские, и поил-кормил людей, и уговаривал – не одолел упрямства-глупости, так и скончался, не достигнув назначенного себе. Боялись его: он бы тут всё разворотил, до корней вплоть! Он знал, что закон надобно вбивать в самое нутро человеку, вроде как бы гвоздь...

Под полом пищат мыши, за Окою стонет сова, и всё гуще слышен смолистый запах гари: леса горят. В темном небе порою вспыхивают красные пятна, скрадывая неясный блеск звезд.

– Помер в одночасье. А я, о ту пору, был семнадцати годов, училище городское в Рязани только что окончил. И, конечно, всё, что отец против себя в людях накопил, на меня свалилось: весь в отца, говорят! А я – один! Мать, в уме помешавшись, тоже померла, года за два до отца. Дядя, отставной унтер-офицер, пьяница непробудная и герой: под Плевной сражался, там ему глаз вышибли и руку повредили левую так, что отсохла. Кресты у него, медали, и он надо мной издевается – грамотей, дескать! Ученый! А что такое – "тиверсия"? Я говорю: такого слова нету, а он меня – за волосы... Совсем нелепое лицо! И все меня грамотой стыдят, по дикости своей... Стал я в городе на манер дурачка для всех и вроде блаженного...

Воспоминания приподняли его, он сел на пороге двери – черным пятном в синий квадрат, – закурил хрипучую трубку и, освещая свой длинный, смешной нос, продолжал быстро бегущими словами:

– Женился двадцати годов, на сиротке – больная попала и померла, не разродясь, – опять один я! Беа поддержки, без совета, без дружков... так-то! живу и вижу: всё не так, как надобно...

– Что – не так?

– Всё! Весь оборот жизни... глупость, дичь болотная! Даже собаки не в пору лают... Говорю: давайте, ремесленное училище откроем и для девиц что-нибудь. А они – смеются: все, говорят, ремесленники горькие пьяницы, весьма довольно их! Девицы же, дескать, без наук часто до времени родят... Затеял я спичечную фабрику – сгорела в первый год... Чего делать? Тут и настигла меня одна женщина, завертелся я около нее, как стриж вокруг колокольни, закружился и так зажил... будто не здесь! Три года не чуял себя, а когда оклемался, вижу – нищий я и всё мое – в ее руках белых! Было мне в то время двадцать восемь годов, а – нищий! Ну, – не жалею! Пожил, как редко живут... На, бери, возьми! Всё едино: я сделать не мог бы ничего с отцовым большим добром, а она – она, вон как... н-да! Может – я в ту пору и не думал так, а – это теперь, когда всё потеряно... Она говорит – ничего-де не потеряно. Ума, брат, у ней – на весь город...

– Она – кто?

– Купчиха. Бывало – распахнется и спросит: "Чего это тело стоит?" А я говорю: "Нет ему цены!" В три года – всё ушло... вроде – дым! Конечно, меня – осмеяли, заторкали... Ну, я не поддаюсь им... Знаю я тут все житейские дела, вижу – всё не так, и не молчу об этом. Молчать я не согласен... У меня – кроме души да языка – ничего нет! За то – меня не любят и считаюсь я дурачком...

– А как надобно жить, по-твоему?

Он долго молчал, посапывая трубкой, красным пятном вспыхивал во тьме его нос.

– Этого никто не знает подробно – как надо жить, – тихо и медленно выговорил он. – Я думал, думал...

Я представил себе, как он, всем чужой, осмеянный, прожил в этом городе никому не нужную жизнь – ненужное бытие угрожало и мне, сердце щемила тоска, не давая уснуть.

...Руть изобилует неудавшимися людьми, я уже не мало встречал их, и они всегда, с таинственной силой магнита, притягивали к себе мое внимание. Они казались интереснее, лучше густой массы обычных уездных людей, которые живут для работы и ради еды, отталкивая от себя всё, что может огорчить кусок хлеба, всё, что мешает вырвать его из некрепких рук ближнего. Угрюмо замкнутые, с одеревеневшим сердцем и со взглядом, всегда обращенным в прошлое, или фальшиво добродушные, нарочито болтливые и – будто бы веселые, но холодные изнутри, серые люди, они поражали своей жестокостью, жадностью, волчьим отношением ко всему в жизни.

Было в них что-то непобедимо зимнее – казалось, что и весной и летом они живут для зимы, с ее теснотой в домах, с ее длинными ночами и холодом, который понуждает много есть.

В плотной, скучной и жуткой массе этих зимних людей неудавшийся человек очень резко бросался в глаза: он – вдумчивей, живее, у него более острое зрение, он – умел заглянуть за скучные пределы обычного и привычного, у него емкая душа, и всегда она хочет быть полной. В нем есть стремление к простору, он любит светлое и сам как будто светится...

Да, светится, но чаще всего – обманчивым светом гнилушки: присмотревшись к нему, понимаешь – с досадой и горькой печалью, – что это лентяй, хвастун, человек мелкий, слабый, ослепленный самолюбием, искаженный завистью, а расстояние между словом и делом у него еще глубже и шире, чем у зимнего человека, который, хотя и медленно, как улитка, но всё же ползет куда-то по земле, тогда как неудачник вертится на одном месте, точно бесплодная старая дева перед зеркалом...

Я слушаю Губина и вспоминаю подобных ему.

- Я всю жизнь насквозь просмотрел,- ворчит он, подремывая, опустив голову на грудь.

Как-то внезапно я уснул - на несколько минут, показалось мне. Губин разбудил меня, дергая за ногу.

- Ну, вставай, идем...

Он смотрит в лицо мое серыми глазами - что-то умное чудится мне в этом невеселом взгляде. На измятых щеках, сквозь давно не бритые волосы, светятся красные жилки, на висках у него тоже туго натянуты синие жилы, голые руки точно скручены из сырмятных ремней.

Мы идем по сонным улицам города, над нами мутно-желтое небо; еще заря не погасла, а воздух душен от запаха гари.

- Пятый день леса горят,- ворчит Губин,- не могут остановить... дурачье!

Вот мы на дворе купцов Биркиных: жилище их странно - это куча разнородных пристроек к одноэтажному с мезонином дому, в четыре окна на улицу. Пристройки подпирают его со всех сторон, даже на крышу влезли. Все они имеют вид прочный, тяжелый, но - кажется, готовы разойтись по двору, за ворота, на улицу, в сад и огород. Как будто они украдены в разное время, в разных местах и сложены кое-как за высоким забором с длинными гвоздями. Окна - маленькие, стекла в них зеленые, смотрят они на свет подозрительно и пугливо. В трех окнах на двор толстые железные решетки, а на крышах, точно сторожа, грузно сидят кадки с водой - на случай пожара.

- Что глядишь? - бормочет Губин, заглядывая в колодец.- Звериное жилье, ну да... Перестроить бы надо всё, как можно шире, просторней, а они всё пристраивают.

Шевеля губами, точно заклинания нашептывая, он, сердито прищурясь, обвел все постройки считающим взглядом и тихо сказал:

- Между прочим - дом этот мой...

- Как - твой?

- Как бывает,- сморщив лицо, точно у него зубы заболели, ответил он и тотчас начал командовать:

- Ну, я стану воду качать, а ты таскай ее на крышу, наливавай кадки. Вот тебе ведра, вот лестница - действуй!

И принялся за работу, обнаруживая большую силу, а я стал, с ведрами в руках, лазить на крышу.

Кадки рассохлись, не держали воды, она стекала на двор. Губин ругался:

- Хозяева, туда же... грош берегут, а целковый беззащитен... Вдруг бы - пожар? Ду-убье...

На двор вышли хозяева: толстый, лысый Петр Биркин, по глаза налитый густой кровью, так что она окрасила даже его выкатившиеся белки, а за ним тенью шел Иона, угрюмый, рыжий, с нависшими бровями и тяжелым взглядом мутных глаз.

- А-а, милостивый государь, господин Губин? - приподняв пухлой рукой суконный картуз, тонким голосом сказал Петр; Иона кивнул головой и, покосившись на меня, спросил басом:

- Чей молодец?

Оба большие, важные как павлины, они осторожно шагали по двору, залитому водой, боясь запачкать ярко начищенные сапоги; Петр говорил брату:

- Видал - как рассохлись кадки-то? Вот, Якимка твой,- давно надо было его в шею...

- Чей, говорю, парень? - строго повторил Иона.

- Своих отца-матери,- ответил Губин спокойно и не глядя на хозяев.

- А ты идем-ка, пора! Это всё едино кто - чей,- растягивая гласные, пропел Петр.

Они медленно подкатились к воротам - Губин, сморщившись, посмотрел вслед им и, раньше чем братья вышли за калитку, сказал равнодушно:

- Бараны!.. Мачехиным умом живут... кабы не она - пропали бы... Мачеха у них... даже невозможно сказать как умна!.. Было их трое. Петр, Алексей, Иона,- Алексей в кулачном бою убит. Красавец был, весельчак... А эти просто обжоры... Хоша и все здесь жрать мастера... Не зря в городском гербе нашем три калача... Ну-ка, начинай - давай, отдохнули!

На крыльце кухни появилась молодая, высокая, дородная женщина, в синей юбке и розовой кофте-распашонке; прикрыв ладонью голубые глаза, она осмотрела двор, крыши и несмело сказала:

- Здравствуй, Яков Васильич...

Губин открыл рот, окинул всю ее веселыми глазами и приветственно махнул рукой.

- С добрым утром, Надежда Ивановна! Как здоровьице?

Она почему-то покраснела, прикрыв руками большую грудь, ее круглое и мягкое, очень русское лицо осветилось сконфуженной улыбкой. В этом лице не было ни одной черты, которая могла бы остаться в памяти,- пустое лицо, природа точно забыла отметить на нем свои желания. И улыбалась она неуверенно, как будто не зная - можно улыбнуться или нет.

- Как Наталья Васильевна?

- Всё так же,- негромко ответила женщина.

Потом она, покачиваясь и опустив глаза, осторожно пошла по двору, и, когда проходила мимо меня, я почувствовал, что от нее пахнет ягодами малиной и черной смородиной.

Она скрылась за маленькой, окованной железом дверью в серой мгле, через минуту вышла оттуда с решетом в руках, села на пороге, поставив решето на колени себе, в нем шевелились и пищали золотые пуховые цыплята; женщина брала их большими ладонями, прикладывая к щекам своим, к красным губам, и певуче говорила.

- Милыи мои-и... о-о, милыи...

Что-то хмельное, пьяное послышалось мне в ее голосе. Через забор, нагревая длинные, острые гвозди, смотрело мутное, красноватое солнце, по двору, у ног женщины, бежал тонкий ручей воды, стекавшей с крыши, солнечный луч мылся в нем и трепетал, точно желая попасть на колени женщины, в решето, к мягким золотым цыплятам, и чтоб она тоже приласкала его белой, до плеча голой рукою.

- О-о, живенькие... деточки...

Губин, перестав вытягивать бадью, повис на веревке, вцепившись в нее поднятыми вверх руками, и торопливо говорил:

- Э-эх, Надежда Ивановна, детей бы тебе, детей... человек бы шесть!..

Она не ответила и не взглянула на него.

Солнце запуталось в серовато-желтых дымных тучах, за серебряною рекой, над тихой полосой воды сонно клубится кисейный туман; поднялся в мутное небо синий лес, весь окурен душистым едким дымом.

Губин. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

Тихий город Мямлин еще спит, приютился в полукольце леса, - лес - как туча за ним; он обнял город, пододвинулся к смирной Оке и отразился в ней, отем-нив и бесконечно углубляя светлую воду.

Утро, а - грустно. День ничего не обещает, лицо у него печальное и какое-то незрячее. Не родился еще, а уже будто устал.

Я лежу рядом с Губиным на куче примятой соломы, в сторожке большого плодового сада Биркиных. Сад раскинут по горе, через вершины яблонь, слив и груш, в росе, тяжелой, как ртуть, мне видно весь город, с его пестрыми церквями, желтой, недавно окрашенной тюрьмой и желтым казначейством.

Эти желтые четырехугольники - как бубновые тузы на спине арестанта, серые полосы улиц - точно глубокие складки в пестрых лохмотьях изношенной, пыльной, выцветшей одежды. В это утро сравнения рождаются печальные должно быть, потому, что всю ночь в душе моей неумоимо пела грусть о другой жизни.

Не с чем сравнить церкви. Их много, некоторые очень красивы, и когда смотришь на них - весь город принимает иные, более приятные и ласковые очертания. Если бы люди строили каждый дом, как церковь...

...Одна из них, старая, приземистая, со слепыми окнами в гладких стенах, называется "княжой": в ней лежат мощи благоверных князей города, мужа и жены; в житии сказано, что они всю жизнь прожили "в добросердечной, нерушимой любви".

Ночью я с Губиным видел, как рослая, белая, робкая жена Петра Биркина шла по саду в баню, на свидание со своим любовником, регентом княжой церкви. Шла она снизу вверх, по тропинке между яблонь, в одной рубахе, босая, накинув на широкие плечи что-то золотистое - кофту или шаль; шла не спеша, осторожно, точно кошка по двору после дождя, когда, попав на сырое место, она брезгливо отряхает мягкие лапки. Вероятно, сухой лист и мелкие сучья щекотали и кололи подошвы женщины - ноги ее дрожали и шаг был неуверен, нетверд.

Над садом, в теплом небе наклонилось добродушное лицо старой луны, она была уже на ущербе, но еще яркая, и когда женщина выходила из тени дерева, я хорошо видел на ее лице темные пятна глаз, приоткрытый круглый рот и толстую косу на груди. В лунном свете рубаха казалась синеватой, женщина прозрачной. Двигалась она бесшумно, точно по воздуху, и когда вступала в тень дерева - тень светлела.

Было это около полуночи, мы еще не спали, Губин интересно рассказывал мне о городе - истории разных семей и людей; когда он увидел женщину, поднимающуюся вверх, точно облако, он смешно вскочил, сел на соломе и в судорогах, точно его огнем пекло, начал торопливо креститься:

- Господи Иисусе, господи... как это? Что это?

- Тише, - сказал я.

Он покачнулся, толкнул меня плечом.

- Ф-фу.. Прямо - как сон... Ах, господи!.. Вот эдак же, этим же местом свекровь ее, Петрушкина мачеха... вот совсем так же!..

Он вдруг бессильно упал вниз лицом и залился, захлебнулся тихим злорадным смехом, хватая меня за руку, дергая и всхлипывающим голосом нашептывая:

- А Петрушка - спит... вчера надрызгался на смотринах у Базановых спит! Ионка к Варьке Кло-чихе отправился - это на всю ночь, до утра... гуляй, Надежда! А?

Я слушал его и смотрел, как идет женщина к своему делу; это было красиво, точно сон, и мне чудилось, что, оглядываясь вокруг голубыми глазами, она жарко шепчет всему живому, что спит и что бодрствует в ночи:

- Милое мое-о... милое ты мое-о!..

А нескладное, изломанное живое рядом со мною, присвистывая, шепчет:

- Она - третья у Петрушки, из Мурома взята, тоже купецкой семьи. Есть в городе

Губин. Максим Горький gorkiymaxim.ru

слушок, будто Ионка тоже владеет ею – обоим братьям, дескать, она женой служит, оттого и детей нет! А еще сказывали, что в Троицын день видели ее постыдно бабы у исправника в саду: сидела-де она на коленях у него и плакала. Я этому не верил: исправник – старичок, еле ноги передвигает... Ионка?.. Ну, Ионка, конечно, скот, однако – он мачехи боится...

Упало яблоко, подточенное червем, женщина на секунду остановилась и, наклонив голову упрямей, пошла вперед быстрее.

Губин говорил непрерывно и всё более беззлобно, точно он летопись читает и скучно ему.

– Думай: кичится богатством человек, живет в почете – князь городу Петр Биркин! А чёрт смеется за плечом у него – вот!

Он надолго замолчал, извиваясь в странных судорогах, тяжело вздыхая, потом вдруг, странным шёпотом сказал:

– Лет пятнадцать тому назад... нет – больше, – свекровь ее. Надькина, вот так же к любовнику ходила... Это был конь!..

Было грустно смотреть, как женщина крадется, точно воровать идет, и мерещилось, что со двора в сад тяжело ползут по черной земле толстые братья Бир-кины, с веревкой, с палками в красных, не знающих жалости руках, Я не слушал шёпот Губина, глядя вниз к стене амбара, откуда явилась женщина, и на черную дыру в стене бани, куда она, согнувшись, спряталась. Наконец он уснул, сказав сквозь сон последние слова:

– Вся жизнь – на обмане... жены – мужей, дети – отцов... лживость везде...

Небо на востоке багровое и то светлее, то темнее; порою видны черные клубы дыма, и огонь раскаленными ножами врезается в густую ткань. Лес высок и плотен, точно гора; на вершине ее, извиваясь, ползет огненный змей, машет красными крыльями и тонет, поглощенный дымом. Мне кажется, что я слышу злой, кипучий треск и шум яростной борьбы черного и красного, вижу, как белые испуганные зайцы, осыпаясь дождем искр, мечутся между корней, а в ветвях бьются, задыхаясь дымом, опаленные птицы. Всё шире и победоносней простирает крылья красный змей, пожирая тьму, истребляя смолистый лес.

...Из черной дыры в стене бани выкатилась белая фигура и быстро замелькала между деревьями, а вслед ей кто-то наказывал внятным шёпотом:

– Не забудь же! Обязательно пришли!

– Ладно...

– Утром хромя зайдет – слышишь?

Женщина исчезла, потом кто-то, не торопясь, прошел вверх по саду и, тяжело царапая доски, перелез через забор.

Не спалось, до рассвета вплоть лежал я, глядя, как горит лес. Скатилась с неба усталая луна, а над крестами княжой церкви вспыхнула Венера, холодная и зеленая, как изумруд, – здесь ей и гореть, если князь с княгиней всю жизнь прожили "в ненарушимой любви". Одна для одного и один для одной на всю жизнь...

Роса смыла с деревьев ночную тьму, и в зелени, седой от росы, стали улыбаться розовые яблоки анис, засверкала золотом пахучая антоновка. Прилетели щеглята в алых колпаках. Осыпались, падали на землю желтые листья, похожие на птиц, и порою нельзя было понять – лист или щегленок мелькнул.

Тяжело вздохнув, проснулся Губин, продрал кривыми пальцами запухшие глаза, встал на четвереньки и – весь измятый сном – вылез из сторожки, обнюхивая воздух, как собака, смешно двигая острым носом. Встал на ноги, потряс большой сук яблони – зрелые плоды покатались по сухой земле, прячась в траву. Он поднял три, тщательно осмотрел их, вонзил изломанные зубы в сочный плод и, чавкая, стал разгонять пинками ноги упавшие на виду яблоки.

- Зачем ты яблоки зря погубил?

- Не спишь? - оборотился он ко мне, кивнув дынной головой.- Жалеть их не к чему, много их... Яблоки эти отец мой сажал...

И, подмигивая мне зорким, приятным глазом, хихикая сладко, он забормотал:

- Наденька-то, а? Надежда Иванна - ловко! Ну, я ж им устрою праздник. Я...

- Зачем?

Он нахмурился и сказал поучительно:

- Я, брат, людям доброжелатель... ежели я вижу где промежду них злобу или лживость какую - я всегда обязан это вскрыть - наголо! Людей надобно учить: живите правдой, дряни...

Из-за облаков вознеслось солнце - лицо у него было тусклое и печальное, как у нездорового ребенка; казалось, оно чувствует себя виновато, что опоздало осветить землю, залежавшись на мягких тучах и в дыме лесного пожара. Сад облился теплыми лучами и густо вздохнул хмельным ароматом созревших плодов - дыханием осени.

Но вослед солнцу в небо поднимались тесною толпою сизые и белые, как снег, облака, их мягкие бугры отразились в тихой Оке, сотворив в ней иное небо, столь же глубокое и мягкое.

- Айда, Макар! - командует Губин.

...Я стою на дне глубокого, свыше трех сажен, колодца, по пояс в жидкой, холодной грязи; удушливо пахнет гнилым деревом и еще чем-то невыносимо противным. Черпая грязь ведром, сливаю в бадью и, наполнив ее, кричу:

- Готово!

Бадья качается, толкает меня, неохотно тянется вверх, с нее на голову, на плечи мне падают жидкие комья грязи, капает вода. Темный круг ее дна закрывает выгоревшее небо и чуть видимые мною звезды; так жутко и приятно видеть звезды, зная, что в небе горит солнце.

Все время я смотрю вверх - ломит шею, ноют позвонки, затылок точно свинцом налит, а - хочется видеть эти дневные звезды, и нельзя оторвать глаз от них: они показывают всё небо новым и почему-то хорошо знать, что солнце не одиноко в нем.

Хочется думать о чем-то огромном, но мне мешает тупая, неотвязная тревога: вот проснутся Биркины, вылезут на двор, и Губин расскажет им о Надежде.

Сверху опускаются его слова, невнятные и точно распухшие от сырости:

- Еще крыса... Богатей - х-ха! Десять лет колодец не чистили... Что пили, дьяволы! Берегись там...

Скрипит блок; толкаясь о сруб и глухо постукивая, на меня опускается бадья, снова плюет грязью на плечи и голову мне. Заставить бы самих Биркиных делать эту работу...

- Сменяй!

- Что мало?

- Холодно! Терпенья нет...

- Н-но! - кричит Губин на старую лошадь, силою которой поднимается бадья; я сажусь верхом на край бадьи и еду вверх: на земле очень светло, тепло и, по-новому, незнакомо приятно.

Теперь Губин на дне колодца. Из сырой, черной дыры вместе с запахом гнили поднимаются его ругательства, глухой плеск грязи, гулкие удары железного ведра о

цепь бадьи.

- Скопидо-омы... Гляди там - еще что-то есть, не то собака, не то ребенок, что ли... Азиаты проклятые...

В бадье оказалась разбухшая шапка - Губин огорчился.

- Ребенка бы найти, да объявить полиции, да под суд их, милых...

Пегая опоенная лошадь, с бельмом во йесь глаз, шевелит лысыми ушами, стряхивая синих мух. Мерным шагом старой богомолки она ходит от колодца к воротам, вытягивая тяжелую бадью, и каждый раз, дойдя до ворот, вздыхает, низко опуская костлявую голову.

В углу двора, покрытого ковром рыжей, выгоревшей, притоптанной травы, скрипнула дверь - вышла Надежда Биркина со связкой ключей в руках, а за нею круглая, как бочка, баба - старая, с черными усами на толстой, презрительно вздернутой губе. Они пошли к погребу - Биркина шла лениво, одетая в одну нижнюю юбку, в рубахе, съезжавшей с плеч, в туфлях на босую ногу.

- Чего глаза пялишь? - крикнула мне баба, свирепо выкатив темные, мутные, точно слепые глаза, утонувшие в багровых щеках совсем не там, где надо.

"Свекровь", - подумал я

У двери погреба Биркина отдала ей ключи и неспешно, колыхая полными грудями, оправляя рубаху, всё сползавшую с круглых и крутых плеч, подошла ко мне, говоря:

- Подворотню надо вынуть, пусть грязь на улицу текет. Весь двор залили. Запах-то какой... Крыса, никак? Ой, батюшки, сколько пакости!..

Лицо у нее было усталое, в глазницах темные пятна, а глаза горят сухо, как у человека, не спавшего всю ночь. Было еще свежо, но на висках ее блеетел пот. И плечи у нее были тяжелые, сырые, как недопе-ченный хлеб, чуть прихваченный жаром, покрытый тонкою, румяной коркою.

- Калитку отопри! Тут... нищая, старушка хромая придет... кликни меня... меня - Надежду Ивановну, слышишь?

Из колодца донеслось:

- Кто говорит?

- Хозяйка...

- Надежда - э-эх-ма! Мне бы с ней пару словечек...

- Что он кричит? - спросила женщина, с усилием приподнимая темные, чуть намеченные брови, и хотела наклониться к срубу, но я неожиданно для себя сказал:

- Видел он, как ты ночью шла...

- Что-о?

Она выпрямилась, побагровев до плеч, быстро прижав полные руки ко грудям, широко открыв потемневшие глаза, и вдруг спутанно, торопливо зашептала, бледнея и странно умалываясь, оседая к земле, точно перекищенное тесто.

- Что он видел-то, господи? Нет... Голубчик, - придет хромая - не пускай! Скажи - не надо, не могу, нельзя - я тебе целковенький... господи!

Снизу все громче и сердитей ползли крики Губина, но я слышал только захлебывающийся шёпот женщины, видя, как ее лицо - полное и розовое осунулось, посерело, темные губы, вздрагивая, мешают говорить, а в глазах застыл жалостный собачий страх.

Но вдруг она приподняла плечи, подобралась вся и, смигнув страх, тихо и внятно сказала:

- Ничего не надо... Пускай...

Покачнулась и пошла прочь, шагая мелко, точно ноги у нее были связаны,- шла она раздражающе тихо, покорно и точно слепая.

- Тащи! - выл Губин.

Когда я вытащил его, он - мокрый, синий от холода - стал прыгать по двору, ругаясь и размахивая руками.

- Это - как же? Я кричу, кричу...

- Сказал я Надежде, что ты видел ее.

Он подпрыгнул ко мне, злой.

- Кто тебе велел?

- Сказал, что тебе приснилось, будто она садом в баню шла...

- что-о? что такое?

Голоногий, тающий грязью, он смотрел на меня, хлопая глазами, его неприятное лицо стало смешно, глупо.

- Смотри - если ты мужу ее скажешь, то я так и буду говорить, что ты во сне видел всё это...

- Зачем? - растерянно воскликнул Губин, но - вдруг пришел в себя и, широко улыбаясь, тихонько спросил:

- Сколько дала?

Я стал объяснять ему, что мне жалко женщину, боюсь, что братья изувечат ее и что не следует ее выдавать,- Губин сначала не верил мне, но потом задумался и сказал:

- Неправильно всё это: лучше взять деньги за правду, чем за обман. Сбиваешь ты меня, парень... Наняли они меня колодец чистить, а я бы им в ту же цену - всё вычистил... это мне удовольствие!

Он снова разозлился, греясь, бегаёт вокруг сруба и бормочет:

- Как ты можешь мешаться в чужие дела? Али ты здешний?

Разыгрался сухой, жаркий день, но - небо мутное, точно пропылилось летней пылью до самых глубин, и на багровый, без лучей, шар солнца можно смотреть не мигая, как на луну.

- Я тебя ввел к делу, работой обрадовал, а ты мне...

За воротами, играя селезенкой, тяжело скачет лошадь, вот она поравнялась с домом Биркиных, и кто-то хрипло кричит:

- Лес занялся - эй!

Хлопнула рама окна, и тотчас же двор наполнился шумной, бестолковой суетой: из кухни выкатилась усатая баба, за нею - встрепанный, полуодетый Иона, из окна высунулась лысая, красная голова Петра.

- Запрягайте скорей, батюшки! - кричал он плачущим голосом.

Губин уже вывел на двор жирную рыжую лошадь, Иона выкатил легкую брчку, Надежда - с крыльца - говорила ему:

- Иди, оденься сперва...

Губин. Максим Горький gorkiytext.ru

Баба распахнула ворота – прихрамывая и ведя на поводу взмыленную лошадь, во двор вошел маленький мужичок, в красной рубахе, и веселым голосом заговорил:

– У двух местах зачалось, – от порубки и от могилы...

Все окружили его, охая и ахая, только Губин ловко и быстро запрягал лошадь, ни на кого не глядя, говоря мне сквозь зубы:

– Дождались... несчастный народ...

В воротах явилась нищая, воровато прищурила глаза и запела:

– Го-осподи Ису-усе...

– Бог подаст, бог подаст! – испуганно махая руками, крикнула Надежда, побледнев. – Тут – несчастье, лес загорелся... после приходи!

Вдруг Петр, стоявший в окне, заполняя его, покачнулся назад в глубь комнаты и исчез, а на месте его явилась женщина, презрительно говоря:

– Что – настиг господь? Обормоты, лентяи...

Ее волосы, седые на висках, были прикрыты шёлковой головкой, шёлк отливал на солнце, и голова казалась железной. На ее лице, иконописном и точно закопченном дымом, двумя пятнами блестели никогда не виданные мною синие глаза без зрачков.

– Али я вам не говорила, что просеку от могилы шире надо было вырубать, шайтаны...

Над маленьким острым носом женщины лежала глубокая морщина, и из нее к серебряным вискам расходились густые брови. Стало странно тихо, только лошадь шлепала копытом по грязи, а из окна непрерывно истекал густой, почти мужской голос, презрительно укоряя.

"Вот она – свекровь!" – подумал я.

Губин кончил запрягать и сказал Ионе тоном старшего:

– Ступай оденься, чучело...

Когда Биркины съехали со двора, а за ними, взвалившись на потную лошадь, ускакал верховой, – женщина исчезла, но пустое окно стало как будто чернее, чем было прежде. Шлепая по лужам босыми ногами, Губин затворил ворота, мельком взглянул на меня и сказал:

– Ну, начнем... чего там!

– Яков! – густо позвали из дома.

Он вытянулся, как солдат.

– Поди-ко сюда...

Губин пошел ко крыльцу, четко топая ногами. Надежда, стоявшая на верхней ступени, повернулась боком к нему, неприятно сморщив лицо, а потом поманила меня к себе, тихонько кивая головой:

– Что он говорит, Яков-то?

– Ругает меня.

– За что?

– За то, что я сказал тебе...

Она тяжело вздохнула.

– Ах – смутьян! И чего ему надо?

Она обиженно надула губы, и круглое пустое лицо ее стало детским.

- О господи... чего людям надо?

По небу ширилась темно-серая туча, грозя бесконечным, осенним дождем. Из окна, ближайшего ко крыльцу, густой струей изливался голос свекрови, слов не слышно было, а только звук, как будто жужжало огромное веретено.

- Это - маменька,- тихонько молвила Надежда.- Она ему задаст! Она меня бережет...

Но я не слушал ее - меня поразили слова, сказанные за окном, спокойно, громко, с тяжелой уверенностью в их правде.

- А ты полно-ка, полно... Ведь это ты от безделья в праведники лезешь...

Я подвинулся ближе к окну - Надежда беспокойно сказала:

- Ты - куда? Тебе слушать не надобно...

А из окна доносилось:

- И бунтовство твое противу людей - у безделья да со скуки, скушно тебе, ты и надумал забаву, будто богу служишь, будто правду любишь, а на деле ты - бесу работник...

Надежда дергала меня за рукав, стараясь отвести из-под окна,- я сказал ей:

- Мне надо знать, что он говорит...

Она усмехнулась, заглянув в лицо мне, и доверчиво зашептала:

- Я ей покаялась: "Маменька, говорю, дошла до меня беда!" - "У, ты, дура",- говорит, да немножечко за косу меня потрепала, только и всего - она меня жалеет!.. Ей - ничего, что я гуляю, ей ребеночка, внучка надо для имущества... наследника...

В комнате Губин крикнул:

- Если грех против закона, так...

Заглушая его, мерно потекли веские слова:

- Тут не везде грех, Яков Петрович, а иной раз просто растет человек и тесно ему в законе. Бросаться друг на друга не надо бы. Чего боимся? Все одинаково дураки перед богом...

Она говорила скучновато или устало, очень медленно и внятно - Губин иногда бормотал что-то, но его слова не проникали сквозь ее мерную речь.

- Осудить человека - не великое дело, Яков Петрович, сударь мой, это всегда успеется - осудить! А ты - дай человеку развернуться до конца - ведь и во грехе польза бывает. Почитай-ко mineю: святые угодники божий все до господа сквозь грехи дошли, а - дошли-таки! Это надобно помнить. Господь Саваоф - он ли не терпел на евреях своих? А матью Исусовой еврейку же выбрал, и пророки и апостолы Христовы - все - евреи, так-то! А мы торопимся осудить да наказать...

- Выбила ты меня из жизни, Наталья Васильевна,- сказал Губин.- Как столкнусь я с тобой да вспомню...

- Не надо вспоминать...

- Так и не вижу себя, и цены себе никакой не чувствую...

- Что было - прошло, а чему надо было быть - того не убежишь...

- И внутреннего состояния лишился я через тебя...

Надежда толкнула меня в бок и с веселым злорадством зашептала:

- Верно, значит, говорили - видно, был он в любовниках у нее!

Но тотчас же опомнилась, испуганно прикрыла рот ладонью и сквозь пальцы говорит.

- Ой, господи... что я? Ты - не верь... Злобятся на нее все, очень умная она...

- Коли было злое - жалобой его не поправишь, - спокойно падают из окна слова женщины. - Кому что дадено, тот того и держись, а не удержал, значит не по силам ноша.

- Всё я на тебе потерял, оголила ты меня...

- Тобою - потеряно, а мной приумножено. Никогда ничего, Яков Петрович, в жизни не теряется, а просто переходит из рук в руки, от неумелого к умелому. Кость, собакой оглоданная, и та в дело идет.

- Вот я - кость!..

- Зачем? Ты - человек еще...

- А что толку?

- Толк-от есть, да не втолкан весь, Яков Петрович, сударь мой! На-ко вот, возьми на гулянку себе да иди с богом... А женщину - не тронь, зря про нее не говори чего не следует... это тебе во сне приснилось.

- Эх, - подавленно вскричал Губин. - Ну - ладно! Твой верх... не желаю я, не хочу огорчать тебя... а - все-таки...

- Что - все-таки?

- А то, что умнейшей твоей душе на том свете...

- Нам бы с тобой, Яков Петрович, на этом жизнь нашу с честью окончить, а на том, бог даст, приспособимся...

- Ну, прощай!

За окном стало тихо. Потом тяжело вздохнула женщина.

- О, господи...

Надежда мягко, точно кошка, отскочила ко крыльцу, а я - не успел. Губин, выйдя из двери, увидал, что я отхожу от окна. Он надул щеки, ошетинился рыжим волосом и, красный, точно после драки, закричал, неожиданно высоким, злым криком:

- Ты - ты что? Долговязый чёрт... Не желаю тебя, не хочу работать с тобой... иди прочь!

В окне явилось темное лицо с большими синими глазами, - строгий хозяйский голос спросил:

- Это что еще за шум?

- Не желаю я...

- Ты иди ругаться на улицу, а здесь нельзя!

- Да! - обиженно крикнула Надежда, топнув ногой. - Что это такое? Какие...

Выскочила кухарка, с ухватом в руках, воинственно встала рядом с Надеждой и закричала:

- Вот видите - что значит мужиков в доме нет!..

Губин. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Собираясь уходить, я всматривался в лицо хозяйки: синие зрачки глаз были странно расширены, они почти прикрывали белки, оставляя вокруг себя только тонкий, синеватый же ободок. Эти странные, жуткие глаза были неподвижны, казались слепыми и выкатившимися из орбит, точно женщина подавилась чем-то и задыхается. Ее кадык выдавался вперед, как зуб. Шёлк головки металлически блестел, и снова я невольно подумал:

"Железная голова..."

Губин осел, обмяк, лениво переругивался с кухаркой и не смотрел на меня.

- Прощай, хозяйка, - сказал я, проходя мимо окна.

Женщина не сразу, но ласково откликнулась:

- Прощай, дружок, прощай...

И склонила голову, подобную молотку, высветленному многими ударами о твердое.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!